

СТУДЕНЧЕСТВО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

М.Н. Соколов, г. Минск

Высшее педагогическое образование в Беларуси в своей истории прошло несколько сложных этапов, связанных с такими глобальными социально-политическими и экономическими процессами, как борьба за национальную государственность, установление той или иной формы государственной власти, борьба с внешними оккупантами, становление социаль-экономической модели общества, его культурное и духовное развитие. Все эти явления начала XX века самым непосредственным образом влияли на формы и содержание образовательного педагогического процесса, выдвигали перед ним конкретные цели и задачи, определяли масштабы и материальные возможности в деле подготовки специалистов. Без преувеличения можно говорить, что в истории высшего педагогического образования отразились все динамические процессы белорусской государственности XX века.

Начало высшего педагогического образования в Беларуси связано с организацией и деятельностью педагогического факультета Белорусского государственного университета. Образование в 1914 г. Минского учительского института не нашло продолжения в связи с начавшейся Первой мировой войной, кратковременными и не совсем серьёзными были попытки создания аналогичных учебных заведений при немецких и польских оккупантах. Только в начале 1920-х годов, после окончательного установления советской власти и постепенного налаживания мирной жизни можно говорить о первых реальных шагах по созданию системы высшего, в том числе и педагогического образования.

Появление высших учебных заведений привело к возникновению в белорусском обществе новой социальной группы – студенчества. На протяжении 20-х годов XX в. его роль и вес в жизни республики постоянно возрастали. Об этом свидетельствует рассмотрение вопросов, касающихся формирования,

материального положения, общественной и культурной жизни студенчества высшими государственными и руководящими органами компартии республики. Можно констатировать, что это внимание на протяжении названного периода усиливалось, приобретало политическое значение и идеологическую направленность. Сформировалась и настойчиво осуществлялась партийно-государственная политика относительно студенчества, которая отражала всю противоречивость общественно-политической жизни первого десятилетия советской власти.

В свою очередь, студенчество живо откликалось на процессы, которые проходили в белорусском советском обществе этого периода. В среде студенчества имели место достаточно самостоятельные и критические суждения о политике компартии, что служило основанием для острой идеологической и политической борьбы, развернувшейся за влияние на студенчество, в том числе и с использованием административных мер. С точки зрения компартии, влияние на студенчество, на его социальный, национальный состав, общественную и культурную жизнь, настроения и политические взгляды имело стратегическое значение для всего общественного развития.

Среди множества характеристик состава студенчества белорусских вузов в первое десятилетие существования советской высшей школы социально-классовый показатель занимает, безусловно, первое и важнейшее место.

Это вытекает, прежде всего, из того, что именно ему придавали наиважнейшее место сами партийные и государственные органы, которые разрабатывали политику в области высшего образования и осуществляли её путём целого ряда организационных мер и практических действий. Причём следует отметить, что внимание к вопросу о социальном происхождении поступавших и обучавшихся в вузах (в определённой мере ещё более-менее объяснимое в первые годы после революции) в последующие годы не только не снижалось, а приобретало всё большее значение, ставилось во главу угла всей работы по комплектованию состава студенчества. Есть основания утверждать, что

Сталинский тезис об “обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму”, действовал и осуществлялся в сфере высшего образования в полной мере уже в двадцатые годы.

Из этого следует понимание значения проводившейся в высшей школе целенаправленной работы по социально-классовому отбору как дела, которое имело не только узковедомственное, касающееся самой системы высшего образования значение, а как проблемы государственной, общеполитической. Фактически на смену справедливо ликвидированной “монополии имущих классов на высшее образование”, вместо провозглашенного демократического равенства доступа к образованию всех желающих, была установлена монополия “трудящихся классов” на получение высшего образования.

Последующая практика комплектования состава студентов, все больше расходилась с понятием “демократия” и реализовывала именно “диктатуру пролетариата”.

Под отменой таких “привилегий имущих классов” понималось не только упразднение платы за обучение, но и отказ от определённого образовательного уровня при поступлении в высшие учебные заведения, представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы.

Нереальность такого упрощенного подхода к решению задачи привлечения в высшую школу трудящихся классов стала очевидна уже в ближайшие годы. Предоставление им формального права получать высшее образование не означало автоматической возможности реализовать такое право на практике. Главным препятствием были не только материальные проблемы, но и отсутствие у подавляющего большинства представителей неимущих классов необходимого образовательного минимума, без которого невозможно было обучение в высшей школе.

Осознание того, что в условиях, когда игнорировался образовательный уровень желающих учиться в высших учебных заведениях, высшая школа не сможет выполнить своей главной роли – подготовить высококвалифицированных

специалистов, пришло очень скоро. Исходило оно из академических кругов, от практических работников и профессуры высшей школы. Особенностью создания высшей школы в БССР в начале 20-х годов было то, что значительную роль в решении практических вопросов её организации играли ряд ведущих и авторитетных профессоров, которые могли на практике реализовать свои взгляды, учитывать первый опыт организации в 1918-1919 гг. высшей школы на советских принципах. На заседании Временного правления Белгосуниверситета 13 июля 1921 года, в котором принимали участие председатель правления профессор В.И. Пичета, член правления профессор Ф.Ф. Турук, народный комиссар просвещения Беларуси В. Игнатовский, профессор А. Андреев и другие, были рассмотрены и утверждены “Правила приёма на факультет общественных наук Белорусского государственного университета”. В них были названы в порядке приоритета категории лиц, которые могли быть приняты в число студентов: окончившие рабфаки, делегированные Наркоматами, ЦИК Беларуси, Советом профессиональных союзов и губернскими отделами профсоюза работников просвещения и совработников, партийными и комсомольскими организациями. Лица, не имевшие направлений от вышеназванных организаций, принимались только на свободные места. В отдельном параграфе предусматривалось, что “лица всех категорий должны иметь образовательный ценз не ниже рабфака, или школы второй ступени, и выдержать испытания по коллоквиуму, знаниям русской литературы, истории России и западноевропейских государств XIX века и в сочинении” [1, л. 12].

Идентичные требования к поступающим были закреплены и в “Условиях и порядке приёма в Белорусский государственный университет на 1922-1923 учебный год”, подписанные В.И. Пичетой 1-го июля 1922 года. За исключением окончивших рабфак (а таких были единицы), все подавшие заявления о принятии в Университет, подвергались испытаниям по целому ряду дисциплин (в зависимости от специальности), в число которых были включены, кроме названных, алгебра, геометрия, тригонометрия, конституция РСФСР. Сохранение

такого критерия при приёме не могло не отразиться соответствующим образом на социально-классовом составе студентов вузов Белоруссии в начале 20-х годов.

Во время создания университета подготовка педагогических кадров осуществлялась на факультете общественных наук. В его составе были общественно-педагогическое и этнолого-лингвистическое отделения, готовившие преподавателей для школ и техникумов.

В первый 1921-1922 учебный год на факультете общественных наук из 739 студентов рабочих было только 22 человека (2,9 %), крестьян – 120 человек (16,2 %), служащих – 367 человек (49,7 %), других слоёв – 230 человек (31,2 %). Мужчин было 443 человека, женщин – 296. Всего по университету рабочие составляли 5,8 процента, крестьян было 18,2 процента, служащих – 48,8 процента, других категорий населения – 27,2 процента. [Подсчитано по: 2, л.4.]

С осени 1922 года был создан самостоятельный педагогический факультет. В его составе были 4 отделения – кроме существовавших в составе ФОНа были созданы новые физико-математическое и естественное отделения, которые готовили преподавателей соответствующего профиля. В дальнейшем в структуре факультета происходили некоторые изменения: были созданы национальные еврейская и польская секции на каждом отделении, с 1929 года открывается педолого-педагогическое отделение, которое готовило преподавателей педагогических дисциплин и работников органов народного образования. Таким образом, со времени создания педагогического факультета БГУ можно говорить о появлении высшего педагогического образования как составной части высшей школы.

Приём 1922-1923 учебного года в Белгосуниверситет отличался от предыдущего увеличением числа крестьян и их детей среди зачисленных. Их было 650 человек из 1480 (43,9 %), рабочих же было только 19 человек (1,3 %), к служащим и интеллигенции относились 310 человек (20,9 %), а 501 человек (33,9 %) принадлежали к другим социальным слоям. До поступления в БГУ более половины принятых (51,7 %) окончили школу II-й ступени, 37,2 процента –

средние учебные заведения, выдержали вступительные испытания и были зачислены 50 человек (3,4 %) окончивших высшие начальные училища, 20 человек – городские 4-классные училища, но не было ещё ни одного выпускника рабфака.

Приёмы первых лет после войн и революций отличались довольно зрелым по возрасту составом студентов. Среди принятых в 1922 году молодёжи до 20 лет было только 11,8 процента, в возрасте 20-22 лет – 33,1 процента, 23-25 лет – 24,3 процента. 16,2 процента имели возраст 26-30 лет, а 14,6 процента среди принятых на первый курс были старше 30 лет [Подсчитано по: 1, л.47.].

В ближайшие годы после своего создания педагогический факультет превратился в крупнейший в составе Белгосуниверситета. В 1922-1923 учебном году на педфаке обучалось 966 студентов, в 1923 – 1924 учебном году их было 1066, в 1924 – 1925 учебном году – 1463 человек, что составляло более половины общей численности студентов БГУ [Подсчитано по: 3, л.6].

Социальный состав студентов педагогического факультета в первой половине 1920-х годов был примерно одинаковым и соответствовал общим показателям по системе высшего образования в республике. Рабочих и крестьян среди студентов педфака в 1922 – 1923 учебном году было относительно немного – 166 человек, в то время как служащих и их детей было 486 человек, а еще 311 человек принадлежали к другим слоям общества. В 1923 – 1924 учебном году выходцев из рабочих и крестьян было 255 человек, в то время как к служащим относилось 562 человека и 249 человек к другим категориям. Определённые изменения произошли в 1924 – 1925 учебном году, когда рабочие и крестьян составили 695 человек, а служащие 618, другие категории – 150 человек [Подсчитано по: 3, л.6].

Из приведённых данных видно, что увеличение числа студентов из рабочих и крестьян происходило довольно медленно, численность этой категории росла в основном за счёт крестьян, лишь к середине 20-х годов начали давать заметное пополнение выпускники рабочих факультетов. Сказывалась и специфика состава

населения территории тогдашней БССР, где отсутствовали крупные промышленные центры.

Тем не менее, партийными и государственными органами настойчиво и последовательно реализовывалась политика “пролетаризации” студенчества, хотя и не такими быстрыми темпами, ибо для решения этой задачи одних административных мер было явно недостаточно.

В 1922 году было принято решение о перерегистрации студентов “в целях освобождения ВУЗов от не занимающихся и неуспевающих студентов. В результате деятельности комиссии по перерегистрации в БГУ на педфаке было исключено за академическую неуспеваемость 136 человек и оставлено только 193 человека из числа принятых в 1921 г. [Подсчитано по: 4, л. 18]. Проверки академической успеваемости студентов вузов проводились и в последующие годы, хотя постепенно они начинали приобретать характер социальных чисток.

На социальный состав студенчества в течение 20-х годов самым непосредственным образом повлияло введение платы за обучение в высших учебных заведениях. При создании советской системы высшей школы была провозглашена бесплатность образования как главный показатель её общедоступности. Однако, уже довольно скоро, советское государство было вынуждено признать, что оно не в состоянии обеспечить провозглашённые им самим принципы. X Всероссийский съезд Советов, проходивший в декабре 1922 года, допустил в виде временной меры введение платности за обучение в высших учебных заведениях. Плата за обучение в высшей школе, уже не как временная мера, а как обычная норма была введена декретом ВЦИК и Совнаркома от 20 марта 1923 года. Объяснялось это тяжелейшим материальным положением, в котором находилось советское государство в восстановительный период, необходимостью найти дополнительные средства для существования вузов. Заметим, что действительно материальное положение в первые годы нэпа было настолько тяжелым, что советское государство было вынуждено пойти не только на введение такой явно непопулярной меры, как платность обучения, но даже на

сокращение контингента студентов, уменьшение приёма на первые курсы, сокращение ассигнований на содержание вузов, студенческие стипендии, материальную поддержку малообеспеченных студентов.

Вводя плату за обучение, государство стремилось сделать так, чтобы это в меньшей мере затронуло выходцев из рабочих и беднейших крестьян. Для этого была предусмотрена целая система льгот определённым категориям студентов, вся тяжесть платы за обучение была перенесена на представителей т. Н. “имущих классов”. Однако полностью избежать отрицательного влияния введения платы за обучение на возможности рабочей и крестьянской молодёжи учиться в вузах не удалось.

Отметим ту особенность, что введение платы за обучение в вузах Белоруссии началось даже раньше, чем в вузах РСФСР. Это было вызвано особо тяжёлым финансовым положением молодой БССР, которая до своего территориального укрупнения в 1924-1926 годах имела весьма ограниченные материальные возможности для развития образования.

Уже 10 марта 1922 года, в середине первого учебного года белорусских вузов, состоялось заседание коллегии Наркомпроса Белоруссии совместно с представителями Университета и Белорусского политехнического института, где рассматривался вопрос “О введении платы за учение в высших учебных заведениях Белоруссии” [5, л. 16].

В принятом решении была установлена единая для всех высших учебных заведений градация взыскания и освобождения от платы за учение. В зависимости от материального и социального положения были определены 3 категории студентов, которые были обязаны платить соответственно 15, 10 или 5 руб. золотом в месяц. Установление категорий студентов, подлежащих освобождению или взысканию платы, возлагалось на особые комиссии при высших учебных заведениях, формируемые из двух представителей Правления вуза, по одному представителю от Совпрофбела, комячейки и студентов. Поскольку введение платы происходило в середине учебного года, не было предусмотрено правилами

приёма и явилось полной неожиданностью для студентов, было установлено, что от платы за обучение могло освобождаться до 40 процентов имевшегося состава. Полученные от введения платы за обучение средства включались в смету расходов конкретного вуза. В названном постановлении было записано, что с 1-го марта 1922 года при исчислении сметы Университета до 1 млрд. рублей в месяц должно было быть получено путём взыскания платы за учение. Таким образом, становится ясно, что, вводя плату за обучение, Наркомпрос стремился хотя бы частично перевести вузы на самоокупаемость, сократить расходы из бюджета на их содержание.

Руководство вузов в этих условиях было вынуждено стремиться полнее взыскать названные суммы со студентов, прибегая к самым решительным мерам. Например, Правление Белгосуниверситета на своём заседании 5 сентября 1922 года постановило, что “студентов, не внесших плату за июнь, июль и август месяцы, к зачётам не допускать” [6, л. 9].

Установление платы за обучение в высших учебных заведениях для определённых категорий студентов в начале 1922 года можно в определённой степени рассматривать ещё как временную вынужденную меру. Поэтому ничего не говорилось об обязанности платить за обучение в правилах приёма в вузы БССР в 1922-1923 учебном году. Но после окончания приёма руководящие органы республики вновь обращаются к вопросу о взыскании части средств для содержания вузов и обеспечения учебного процесса с самих студентов. 25 ноября состоялось заседание УВУЗа Белоруссии с участием секретаря ЦБ КП(б) Белоруссии В. Богущкого и наркома просвещения В. Игнатовского, на котором было принято постановление о взимании платы со студентов вузов Белоруссии [1, л. 185]. В нём фактически на тех же принципах, что и ранее были определены условия и размер взимания платы со студентов. От платы освобождались независимо от материального положения и имеющихся доходов: окончившие рабфаки; все члены РКП и КСМ; лица, находившиеся на иждивении членов РКП, Совпрофбела; дети профессоров и преподавателей вузов.

Следует иметь в виду, что студенты, вносившие плату за обучение в указанных размерах, считались обучающимися на бесплатных местах, поскольку они только частично покрывали расходы на своё обучение.

Кроме того, начиная с 1922 года можно говорить о появлении в советской высшей школе обучения на платной основе, когда часть студентов полностью оплачивала все расходы и затраты вуза в ходе учебного процесса. Уже летом 1922 года в разрядке приёмной комиссии Белгосуниверситета предусматривались специальные платные места при приёме на медицинский и другие факультеты, всего 35 мест [7, л. 48]. В 1922-1923 учебном году в Белорусском государственном университете на платной основе обучались 65 человек, в том числе на педагогическом факультете – 18 человек (1,8 %) [Подсчитано по: 8, л. 6]. Плата за обучение составляла для этих студентов 50 рублей золотом, что в 3 с лишним раза превышало максимальную плату на т.н. “бесплатных” местах.

Суммы, получаемые за счёт платы студентов за обучение, составляли значительную часть в смете расходов вузов. В 1922-1923 учебном году в БГУ поступления от сбора составляли 484,3 тыс. рублей, что превышало расходы на стипендии студентам основных факультетов университета [1, лл. 268-269].

Постепенно количество платных мест, которые приносили значительную часть доходов вузам, возрастает. В 1923 году в Белгосуниверситете на платных местах обучалось уже 185 человек [9, л.20]. Приёмная комиссия БГУ просила сделать платными 25 процентов мест нового приёма на педфак и факультет общественных наук [1, лл.169, 197].

Наряду с взиманием платы за обучение имели место попытки ввести дополнительные платежи сверх установленной нормы. В октябре 1923 года Коллегия Главпрофобра БССР рассмотрела вопрос “О самообложении студентов БГУ для увеличения средств на пополнение учебно-вспомогательных учреждений Университета (кабинетов, лабораторий и др)”. Было принято решение обложить студентов, принятых на платные места, в среднем на 5 червонцев в полугодие; студентов, находившихся на платных местах, не членов профсоюзов – от 1 до 5

червонцев в полугодие, членов профсоюзов – от 1 червонного рубля до 2-х червонцев [1, л.209]. Коллегия Наркомпроса в начале ноября того же года на своём заседании утвердила названное решение Главпрофобра, заменив только слово “самообложение” на слово “обложение” [1, л. 210.].

Практика взимания платы за обучение становится нормой жизни высшей школы. В декабре 1923 года Коллегия Наркомпроса рассмотрела вопрос о введении платы за обучение в вузах. [10, л. 169.] Принятый в результате обсуждения порядок взимания платы узаконил наличие платных и бесплатных мест, детально определил размеры вносимой платы и основания для понижения или освобождения от неё. Применительно к Белгосуниверситету было определено, что студенты, принятые на платные места, должны были платить от 50 до 120 червонных рублей в год, а студенты, принятые на не платные места – от 10 до 50 червонных рублей в год. Предусматривались определённые льготы для студентов – членов профсоюза и студентов, находящихся на иждивении своих родителей – членов профсоюзов.

От платы освобождались члены профсоюзов и их дети, если доход составлял менее 20 рублей, беднейшие крестьяне, работники просвещения и их дети. Всякие дополнительные обложения помимо установленной платы считались невозможными [11, л. 278].

Ещё более подробная “Инструкция по обложению платой за правоучение студентов БГУ” была утверждена правлением университета и Коллегией Главпрофобра на 1924-1925 учебный год [12, л. 2-3]. На основании указанной инструкции работали Комиссии по обложению платой студентов в высших учебных заведениях. Причём они рассматривали дела не только принятых на первый курс, но и студентов старших курсов, независимо от того, когда и на каких условиях они поступали в высшее учебное заведение. Исключение составляли только студенты, получавшие государственную стипендию и кандидаты в стипендиаты.

В Белгосуниверситете в 1924-1925 учебном году прошли через такую

комиссию 1500 человек. По результатам рассмотрения документов комиссия сочла возможным освободить от платы за обучение только 562 человека (37,5%). Остальные 938 человек должны были в общей сложности заплатить 14203 рубля. На педагогическом факультете из 793-х студентов были освобождены от оплаты обучения 286 человек, а 507 человек были обложены платой на общую сумму 6836 руб. В то же время по результатам принятых комиссией решений было подано 190 апелляций, в том числе 71 апелляция от студентов педфака [12, лл.6-7]

Переломным и в определённой степени предопределившим политику государственных органов БССР в последующие годы в отношении социально-классового комплектования вузов республики стал 1924 год. Всё усиливавшееся, по мнению партийного руководства, влияние “непролетарских” слоёв в вузах в связи с нэпом, с одной стороны, и, с другой – необходимость подготовки новой, советской интеллигенции, принуждали прибегать к более радикальным мерам, нежели чисто экономическим. Возрастает значение проводившихся проверок состава студентов, которые в отличие от предыдущих лет всё больше носили характер “чисток”, приобретали социальную направленность. 16 мая Наркомпрос БССР рассмотрел и принял за основу инструкцию НКП РСФСР о “чистке” студентов. 9 июня 1924 года на заседании Бюро ЦК КП(б)Б была одобрена “Инструкция о проведении качественной проверки студентов вузов”, разработанная НКП БССР, утверждены Центральная проверочная комиссия в составе Е.Успенского (председатель), Я. Шапиро, Н. Орехво, В. Дьякова и других, председатели местных проверочных комиссий, которых обязали провести широкое ознакомление студенчества с предстоящей проверкой [13, лл. 13-14]. 11 июня СНК БССР принял “Инструкцию о проведении качественной проверки студентов ВУЗ БССР” [14, с. 10].

В составе местных проверочных комиссий были созданы факультетские подкомиссии с участием декана, преподавателей, представителей студенческого актива. Проверке, которая проходила в вузах республики с 15 июня по 1 июля 1924 года, подлежали все без исключения студенты. Классовая сущность “чистки”

проявилась прежде всего в дифференцированном подходе при оценке успеваемости учащихся, так как речь официально шла о сокращении контингента студентов за счёт неуспевающих и слаборазвитых, являвшихся “балластом” для учебных заведений. Каждый студент был обязан явиться на собеседование комиссии в строго назначенный день, в его присутствии рассматривались личное дело, успеваемость, отзывы о нем представителей студенчества, мотивы поступления и, конечно же, классовая принадлежность. И если по “Инструкции” из пролетарской и партийной части студенчества подлежали исключению только “крайне слабо подготовленные и неуспевающие за долгое время обучения”, то от студентов – выходцев из буржуазной и интеллигентской среды требовалось обязательное выполнение всех академических требований, полная успеваемость и отсутствие задолженностей в сдаче зачётов. В противном случае они подлежали немедленному исключению. Как видно, сокращение контингента учащихся вузов должно было пройти в основном за счёт представителей буржуазии, интеллигенции и частично крестьянства, рабочие же, пусть и менее подготовленные, в своём большинстве оставались.

Названная “чистка” существенным образом повлияла не только на общее количество студентов вузов Белоруссии, но и на соотношение социальных групп в их составе. На педагогическом факультете БГУ чистку прошли 919 студентов, из которых было исключено – 190, условно оставлено – 130 человек. Таким образом, число студентов сократилось более чем на 20 процентов [Подсчитано по: 15, лл.109-119].

Массовое исключение студентов не могло не вызвать апелляции как в Центральную проверочную комиссию, так и в более вышестоящие органы. До 1 августа 1924 года поступило 939 заявлений о пересмотре решений об исключении. По итогам повторного рассмотрения дел было восстановлено всего 135 человек, большая часть из которых – “по тактическим и политическим соображениям...” [15, л. 116].

В своём “Отчёте по проверке студентов Высших учебных заведений БССР”

председатель Центральной проверочной комиссии Е.Успенский отмечал, что “...значительно увеличился относительный процент рабочих и крестьян и сильно уменьшился процент прочих...”. По его же данным окончательно исключённые Центральной комиссией распределялись следующим образом: рабочих – 10 человек, крестьян – 75, служащих – 125, прочих – 489, всего – 699. Из них только 240 человек были исключены за академическое отставание, все остальные – “в целях пролетаризации вузов и за политическую безграмотность”. Характерно, что большая часть профессуры, понимая классовую сущность “чистки”, не согласная с практиковавшимися методами, по отзывам Центральной проверочной комиссии, “...ни активно, ни пассивно не помогала работе комиссий, очень часто её тормозила. ... Профессора – члены проверочных комиссий в конце концов уходили из Комиссий” [15, лл. 110-111,117].

В дальнейшем большинство исключённых имели очень мало шансов вновь попасть в высшие учебные заведения. Официально, по распоряжению Главпрофобра БССР, все они имели право вновь подавать документы на общих со всеми основаниях. Однако приём таких лиц предписывалось производить “без испытаний и на основании классового отбора”, что ещё раз подтверждало классовую сущность политики советской власти в отношении высшей школы [16, л. 21].

С середины 20-х годов социальный фактор, т.е. учёт социального происхождения поступающих, выдвигается на первый план при приёме в вузы, начинает играть в судьбах многих молодых людей определяющую роль.

Проведённая в 1924 году “чистка” во многом оказала влияние на приёмы в вузы последующих лет. Уже в октябре 1924 года на заседании Бюро ЦК КП(б)Б отмечалось значительное снижение активности поступающих, резкое уменьшение количества поданных заявлений. И это было достаточно понятным: ведь основной процент поступавших до этого составляли представители интеллигенции и “прочие”, которым с этих пор дорога в вузы была практически закрыта. “Чистка” 1924 года показала отношение власти к непролетарским слоям и нежелательность

их пребывания в стенах вузов, что естественным образом повлияло на количество абитуриентов. Одновременно с этим увеличилось количество крестьян, “явившихся к приёму, хорошо знающих требования приёма и решительно отстаивавших свои права...”. В дальнейшем Главпрофобр предлагал принять меры к урегулированию социального состава студентов путём забронирования определённого числа мест для рабочих, крестьян и служащих [17, лл. 218, 220].

Последующие годы стали периодом поиска новых форм регулирования социального состава поступающих. Народный Комиссариат просвещения под нажимом партии и правительства искал различные возможности не допустить проникновения значительного числа “враждебных” советской власти элементов в стены высших учебных заведений. Помимо командировок для поступления в вузы, которые выдавались по разверстке Наркомпроса партийными, профессиональными и советскими организациями и уже являлись первым этапом отбора поступающих по социальному признаку, сохранялась также плата за обучение по градациям в зависимости от материального положения студента. Кроме этого, после сдачи всех вступительных экзаменов приёмным комиссиям вузов предписывалось при зачислении обязательно руководствоваться классовым принципом [18, лл. 56-57]. Естественно, что столь многоступенчатая система отбора приносила определённые плоды. Правда, это не могло сразу резко изменить общее соотношение различных слоев в вузах, так как на старших курсах, несмотря на проведённую чистку, процент рабочих и крестьян был ещё довольно мал.

Целенаправленная политика государства по т.н. “пролетаризации” студенчества высших учебных заведений в ущерб подготовленности поступающего успешно овладевать знаниями, не могла не привести к отрицательным последствиям. Главной проблемой становилась низкая академическая успеваемость студентов даже при определенном понижении требовательности к учебе со стороны преподавательского состава, о чем открыто говорило руководство высших учебных заведений.

Источники

1. НА РБ. Ф.42, оп.1, д.213. Положение Наркопроса БССР о рабфаке БГУ, протоколы заседания правления Совета медицинского факультета, комиссии по приёму студентов на рабфак БГУ и т.п.

2. НА РБ. Ф.205, оп.1, д.24. Весткі аб складзе студэнтаў Беларускага Дзяржаўнага ўніверсітэту за 1921 – 27 гг.

3. НА РБ. Ф.205, оп.1, д.157. Сведения о составе студентов в ВУЗах БССР с 1921 по 1924 г.

4. НА РБ. Ф.205, оп.1, д.25. Отчет о деятельности комиссии по перерегистрации при БГУ.

5. НА РБ. Ф. 205, оп.1, д.31. Протокол Заседания Коллегии Наркопроса Белооруссии сровместно с представителями Университета и Белорусского политехнического института.

6. НА РБ. Ф. 205, оп.1, д.34. Выписка из протокола заседания Правления Белорусского Государственного Университета от 5 сентября 1922 г.

7. НА РБ. Ф. 205, оп.1, д.60. Приёмной Комиссии Минского государственного Университета.

8. НА РБ. Ф. 205, оп.1, д.66. Белорусский государственный Университет Сведения за третий триместр 1922 – 23 г. и летние каникулы 1923 г. о составе студентов с 1 апреля по 30 сентября 1923 г.

9. НА РБ. Ф. 205, оп.1, д.110. Статистические сведения о студентах на 23 ноября 1923 г.

10. НА РБ. Ф. 42, оп.1, д.212. Пратакол № 28 Паседжання Калегіі Народнага камісарыята Асьветы Беларусі 3.XII.1923 году.

11. НА РБ. Ф. 42, оп.1, д.210.

12. НА РБ. Ф. 205, оп. 1, д. 187. Отчет Комиссии по обложению платой за правоучение студентов Б.Г.У. за 1924/25 ак.год.

13. НА РБ. Ф. 4-п, оп.3, д.3. Протокол №3 заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 9

июня 1924 г.

14.Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Советской Социалистической Республики. 1924. №8. Ч.1. С.10.

15. НА РБ. Ф.42, оп.1, д.1229. Отчёт по проверке студентов Высших учебных заведений БССР.

16. НА РБ. Ф.205, оп.1, д.114. Правлениям Университета и сельскохозяйственного института в Минске и Горках.

17. НА РБ. Ф. 4-п, оп.3, д.4. Отчёт о приёме в ВУЗы и Рабфаки БССР в текущем 1924 – 25 учебном году.

18. НА РБ. Ф.42, оп.1, д.1231. Правила приёма в Высшие Учебные Заведения БССР.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ